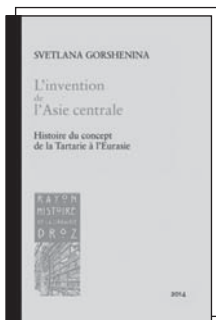

Svetlana Gorshenina. *Asie centrale. L'invention des frontières et l'héritage russo-soviétique.* P.: CNRS, 2012. 382 p.

Svetlana Gorshenina. *L'invention de l'Asie centrale. Histoire du concept de la Tartarie à l'Eurasie.* P.: Librairie Droz, 2014. 702 p.

Коллеги и друзья часто задают мне один и тот же вопрос. Узнав, что моей специализацией являются страны Средней Азии, они допытываются, как правильно называть регион — «Средним» или «Центральным». Я обычно признаюсь, что не считаю этот вопрос для себя лично принципиальным, употребляю оба упомянутые и другие слова в зависимости от аудитории и собственного настроения. Догадываюсь, что такой мой релятивизм и всеядность оставляют, как правило, чувство неудовлетворения, если не раздражения. Чаще подразумевается, что выбор в пользу того или иного обязателен, что диктуется либо стремлением к истине, которая может быть только одной-единственной, либо проявлением лояльности — к «своим» или «чужим». Однако насколько такие отсылки к «правильности» и «традиционности» являются обоснованными?

Сегодня хрестоматийным является утверждение, что примерно с рубежа 1970–1980-х гг. научные представления и способы говорения о том, как производится научное знание и публичные понятия, как они взаимодействуют с политикой и властными отношениями, претерпели радикальные изменения. Прежние взгляды, согласно которым существуют изначально данные и объективно измеряемые культуры, народы и регионы, подверглись сокрушительной критике, которая показала гибкость и неопределенность, спорность и изменчивость, политическую ангажированность очень многих популярных и, казалось, привычных схем. Появились многочисленные работы, в которых говорилось об изобретении «Востока», «Африки», «Индии», «Европы», «Севера», «России» и т.д. (см., например: [Said 1978; Mudimbe 1988; Вульф 2003; Валлерстайн 2006]). Кажется, мало что за прошедшее время не подверглось такой полезной деконструкции и переосмыслению. Однако незатронутые критической работой места на карте мира по-прежнему существуют и нуждаются во внимательном и скрупулезном исследователе, готовом взяться за такую, прямо скажем, трудную задачу: поднять за многие десятилетия и даже века накопленную массу литературы, образов, архивных материалов, проработать и классифицировать их, найти взаимосвязи, выявить закономерности и, наконец, озвучить новые способы видеть и осмысливать научный объект без обязательного приписывания ему объективной данности.

Таким белым пятном долгое время оставалась «Центральная Азия», о которой все слышали, но вряд ли кто может точно описать ее территорию и границы. В рецензии я хочу представить русскоязычному читателю две новые, 2012 и 2014 гг., франкоязычные книги историка и историографа Светланы Горшениной: «Центральная Азия: изобретение границ и русско-советское наследие» и «Изобретение Центральной Азии: история понятия от Тартарии до Евразии». Они наконец подводят некоторый промежуточный итог в изучении того, как вообразился этот регион в разные эпохи и в разных обстоятельствах. У каждой из монографий свой собственный сюжет, своя хронология и герои, своя задача и отдельный круг источников, но обе работы, безусловно, связаны между собой и составляют единый большой авторский проект анализа того, как мифологически и научно создавался регион, известный сегодня больше как «Центральная Азия», как разные его образы и характеристики вписывались в различные политические цели, становились созвучными им и материализовались в той или иной форме или, наоборот, отвергались и маргинализировались. Неизбежные пересечения между двумя текстами и повторы позволяют заострить внимание не столько на фактах и деталях,

которыми они с большим избытком насыщены, сколько на методологии, которая автором применяется к тем или иным сюжетам и создает из них общий исторический взгляд.

В монографии, изданной в 2012 г., делается акцент на политической истории воображения и повествуется о том, как формировались внешние и внутренние границы «Центральной Азии» (я ставлю слово в кавычки, чтобы подчеркнуть в данном случае используемый автором язык конструктивизма) в XVIII—XXI вв., т.е. в моменты военного, политического, экономического и символического вхождения региона и его населения в состав Российской империи, Советского Союза и глобального мира, каждый из которых подчинял и переподчинял это пространство своим интересам.

В первой части реконструируются и рассматриваются фантазии, стратегии и оправдания, которые возникали при продвижении Российской империи в сторону Сырдарьи и Амударьи. Светлана Горшенина анализирует аргументацию военных, политиков, общественных деятелей, которые объясняли неизбежность этого процесса то «защитой» от «варваров», то задачей «цивилизовать» последних; то «естественными рубежами», то какой-то особой связью России с «Азией», ее правом на нее; то поиском «арийских корней», то целью овладеть некими геостратегическими позициями и т.д. Отдельно автором исследуется малоизвестная история присоединения Кульджинского округа в 1870 г. (который в 1881 г. был возвращен Китаю). Это факт, который высветил многие противоречия и двойственность в языке экспансии, с одной стороны, и в политических ограничениях и практических интересах разных групп российской военной-дипломатической элиты — с другой (см. русскоязычный вариант этой главы: [Горшенина 2014]). В заключительном разделе этой части говорится об административных реформах на завоеванных Российской империей территориях «Центральной Азии», противоречивом статусе некоторых частей, размежевании между Туркестаном и протекторами Бухары и Хивы, а также о пограничных переговорах с Китаем, Ираном, Афганистаном и Британией. Светлана Горшенина показывает, как во всех дебатах по установлению внутренних и внешних границ использовались географические, этнографические и экономические доводы, которые должны были — ссылок на «естественность» и «научность» — легитимировать новое политико-административное собирание и разделение пространства.

Вторая часть книги посвящена советскому периоду административного и затем национального размежевания в «Центральной Азии» в 1918—1936 гг. Автор дает собственную систе-

матизацию этого процесса, показывает его этапы и основные конфликты, наличие разных конкурирующих воображений, анализирует роль вопроса «языковых» различий, «нации», статистики и экономических аргументов в новом производстве пространства, столкновение интересов разных групп центральной и местной элиты с их проектами переустройства региона. В послесловии Светлана Горшенина обращается к сегодняшним дискуссиям о границах «Центральной Азии» уже после распада СССР и образования независимых государств. Здесь автор говорит об апроприации и нормализации постсоветскими государствами тех пространственных образов и границ, которые сформировались в имперское и советское время, а также о процессе материализации этих разграничений, новом символическом их переосмыслении и переутверждении как «своих» и «исконных».

В опубликованной в 2014 г. книге Светлана Горшенина отходит от рассмотрения политической конъюнктуры и сосредоточивается на интеллектуальной истории воображения «Центральной Азии», точнее на различных способах ее картографирования и называния. По сравнению с предыдущим исследованием здесь значительно расширены хронологические рамки анализа и обобщений — с двух последних столетий до двух последних тысячелетий.

Обширная монография состоит из пяти частей, но начинается с небольшой преамбулы, в которой кратко реконструируются образы региона в ахеменидских, античных и арабо-персидских древних источниках. В первой части «“Центральная Азия” во времена Тартарий» рассматриваются средневековые европейские (и частично мусульманские) карты мира и прослеживаются этапы их трансформаций с III по XVII в. Эти карты сначала выстраивались вокруг сюжетов завоеваний Александра Македонского, мифов о Гоге и Магоге, крае света, региону приписывалось состояние варварства и одновременно сюда же помещался рай; затем одним из факторов интереса были легенды о пресвитере Иоанне и десяти потерянных коленах Израилевых. После монгольского завоевания для обозначения этой обширной территории, включая Тибет, Монголию, иногда Китай и Русь, наряду с другими в употребление постепенно входит новый термин «Тартария». В него были интегрированы прежние образы и коннотации, а также более или менее реальные сведения, полученные со слов путешественников. Во второй части «Ориентализм в работе: научные принципы и интернационализация *центральноазиатского* пространства (XVI–XVIII вв.)» подробнее говорится о различных, в том числе и русских, версиях описания региона, в которых уже прослеживается более четкая систематизация терминов. Несмотря

на попытки оспорить термин «Тартария» и использовать другие названия (ту же «Трансоксиану»), именно «Тартария», или «Тартарии», становится наиболее популярным международным термином и способом членения на территории, политики и народы при описании будущей «Центральной Азии» и окружающих ее земель.

Третья часть «Пришествие *Центральной Азии*» посвящена процессу превращения «Тартарии» в «Центральную Азию» (в русской версии еще и «Среднюю»), который начался на рубеже XVIII–XIX вв.; смена термина понималась как переход к более нейтральному и научному определению. Усилиями прежде всего немецких ученых, которые основывались на геологических аргументах, этот термин становится основным для описания территории, хотя «центральноазиатские» границы и их объяснения оставались различными, а в качестве синонимов использовались и другие названия (например, «Внутренняя Азия» и «Верхняя Азия»). У того же Гумбольта «Центральная Азия» охватывала высокогорные районы Сынцзяна, Памира, Тибета, Кашмира и Алтая, тогда как долины и степи будущей «Средней Азии и Казахстана» относились скорее к низменному плато «Турану». Рихтгофен, который провел границы «Центральной Азии» по внутренним стокам рек, отдельно выделил переходный регион «Средней Азии», который примерно соответствовал гумбольтовскому «Турану». Были и другие схемы, в соответствии с которыми рисовали геополитические карты.

В четвертой части «Кристаллизация российского географического видения: *Азия середины* и *Азия центра*» Светлана Горшенина обращает внимание на то, что, хотя работы немецких ученых — Гумбольта, Риттера и Рихтгофена — оказывали огромное влияние на методологию и язык анализа российских ученых и политиков, представления последних были связаны с политическими и военными амбициями Российской империи. В российской традиции «Туран» чаще включался в «Центральную Азию» как ее часть, причем подчеркивалась его центральность и отстаивалась символическая важность, что подразумевало особый геополитический интерес. Как утверждает автор, это было элементом дискурсивного сдвига как самоутверждения самой Российской империи в качестве «уникальной цивилизации», «третьего континента», «середины» и «центра» между Европой и Азией. Одним из терминов, популярных в это время, был «Туран», который использовался для подчеркивания исконных связей России с регионом. Этой же цели служило наделение понятия «Средняя Азия» особым статусом, хотя он долгое время оставался менее ясным из-за пересечения с терминами «Центральная / Внутренняя / Верхняя Азия». Третьим популярным термином, который получил и админи-

стративный статус, был «Туркестан», который опирался на дополнительные лингвистические и культурологические аргументы. Светлана Горшенина, констатируя хаос в использовании терминологии и определении границ, тем не менее прослеживает тенденцию соединять естественно-научные и геополитические схемы, а также центрировать регион по мере российского военно-политического продвижения в этом направлении.

В пятой части «Политические изменения XX века и метаморфоза умозаключений» говорится о том, что вместе с новым политическим строем и национальным делением региона произошли стандартизация и закрепление его границ и названий. Термины «Туркестан» и «Туран» исчезли в качестве базовых, а «Средняя Азия и Казахстан» был официально закреплен для называния советской, «своей» части «Центральной Азии». В зарубежной историографии, как показывает Светлана Горшенина, сохранялись конкурирующие названия и определения границ региона. В постсоветское же время произошло переименование «Средней Азии» в «постсоветскую Центральную Азию», что отражало новую геополитическую конфигурацию в этом регионе; были также попытки возродить термин «Туркестан», возникли новые сценарии и термины для конфигурации — одними из наиболее известных являются «Центральная Евразия» и «большая Центральная Азия».

Итак, вслед за автором мы можем констатировать тот факт, что не существует никакой однозначной и политически нейтральной терминологии описания и определения границ региона, наиболее известного сегодня как «Центральная Азия» (или в советской традиции «Средняя Азия и Казахстан»). Все понятия, которые употреблялись и употребляются для его называния и разграничения, имеют свою историю происхождения (не всегда исключительно европейскую, но переработанную и легитимированную «Западом», в том числе Россией) и обсуждений, погружены в контексты той или иной исторической эпохи, используются во взаимодействии друг с другом. После такой деконструкции искать единственное точное понятие и границы территории, настаивать на их данности, объективности, естественности или «традиционности» — бессмысленное занятие. Более того, Светлана Горшенина демонстрирует, что жанр исторического нарратива и анализа может быть перевернут с головы на ноги: вместо поиска сущностей можно изучать, как эти сущности изобретались, обнаруживая в этом процессе как преемственность, так и разрывы. Подобная перспектива не разрушает историю в качестве научного жанра, а открывает новые возможности видеть все напряжения и драмы прошлого, а также их неоднозначные проекции в сегодняшнем дне.

Причем тот доказанный факт, что «Центральная Азия» изобретена, не означает, что это и другие понятия являются ложными и нерелевантными. Вывод о том, что деконструкция должна привести к отказу от этого и вообще любого другого термина, был бы абсурден — в таком случае мы бы остались вовсе без слов для описания чего-либо. Но необходимо изменить основания для того, чтобы употреблять эти слова. В заключении, названном «*Центральная Азия* как образец подсобного термина, индивидуализированного для каждого исследователя?» Светлана Горшенина предлагает сделать выбор термина личным делом каждого исследователя, а не обязательным императивом для всех. Такой выбор, по ее мнению, может диктоваться образованием и предпочтениями или же конкретными задачами того или иного исследования. Причем сама автор более благосклонна, судя по всему, именно к понятию «Центральная Азия», видя в нем не более чем подсобное, рабочее, узнаваемое название, вокруг которого можно координировать научные дебаты в международном масштабе (отсюда предпочтительное его использование в заглавии книги и ее разделов, пусть в кавычках и курсивом).

Соглашаясь с этим осторожным подходом, я все же подчеркну остающийся риск эффектов эссенциализации термина / региона даже при всех риторических оговорках. То или иное название, закрепленное в книгах и институтах, начинает жить своей жизнью и вносит искажения во взгляд помимо воли и планов ученого. Такие несоответствия заметны и в рецензируемых монографиях. Например, в первой из них, хотя она посвящена «Центральной Азии» и подразумевает очень разные регионы, большинство примеров в имперских разделах касаются Туркестанского края, а анализ неоднозначной генеалогии, например понятий «Степь» / «Степной край» / «Сибирь» или «Прикаспий» / «Закаспий» / «Кавказ», невольно уходит на задний план. Во второй книге, в разделе о советском времени, который следует за дискуссией о различии «Средней» и «Центральной Азии», выпадают интересные сюжеты о возникновении в 1945 г. в СССР «Туркестанского» военного округа (и «Степного» — на короткое время), о разного рода антисоветских движениях, которые продолжали апеллировать к «Туркестану», или о нацистских проектах устройства территории СССР. Конечно, эти исключения могут иметь вполне обыденное объяснение невозможности объять необъятное, но все равно возникает вопрос о том, что имеется в виду, когда основной рамкой становится «Центральная Азия», какие зазоры, нестыковки и пробелы здесь возникают, что выпадает из поля зрения ученого. Мне лично кажется более оптимальной стратегией некоторая полипонятийность, пусть с неизбеж-

ными для нее минусами, использование и более узких, и более широких фокусов, если того требует логика изложения.

Обе книги предназначены скорее для франкоязычной аудитории, которая не очень знакома с реалиями региона. Наверное, это во многом диктует выбор узнаваемой терминологии и узнаваемых ссылок, а также отбор тем и деталей, которые требуют или не требуют подробного описания. Я, разумеется, не смог упомянуть все сюжеты, идеи и исследовательские находки, а попытался представить самый общий эскиз авторского замысла. Для внимательного прочтения и дискуссии необходимо введение этих трудов в российскую науку. Увы, в силу целого ряда причин, которые стоит, наверное, обсуждать отдельно, франкоязычная литература сегодня нередко выпадает из господствующего англоязычного пространства и остается вне поля зрения русскоязычной науки. Французская школа изучения Центральной Азии достигла в последние десятилетия больших успехов, которые очень ограниченно известны за пределами Франции, особенно в России. К сожалению, рецензии не смогут восполнить полноценное знакомство с ними. Единственный путь преодоления такой несправедливости — переиздание франкоязычных трудов на русском или английском языках, что, как я надеюсь, вполне реальная задача.

Библиография

- Валлерстайн И.* Существует ли в действительности Индия? // Логос. 2006. № 5. С. 3–7.
- Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: НЛЮ, 2003. 548 с.
- Горшенина С.* Теория «естественных границ» и завоевание Кульджи (1870–1881 гг.): автопортрет российских военно-дипломатических элит Санкт-Петербурга и Туркестана // *Ab Imperio*. 2014. № 2. С. 102–165.
- Mudimbe V.* The Invention of Africa: Gnosis, Philosophy, and the Order of Knowledge. L.: James Currey; Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1988. 241 p.
- Said E.W.* Orientalism: Western Conceptions of the Orient. N.Y.: Pantheon Books, 1978. 368 p.

Сергей Абашин

Review of Svetlana Gorshenina. *Asie centrale. L'invention des frontières et l'héritage russo-soviétique*. Paris: CNRS, 2012. 382 pp.; Svetlana Gorshenina. *L'invention de l'Asie centrale. Histoire du concept de la Tartarie à l'Eurasie*. Paris: Librairie Droz, 2014. 702 pp.

Sergey Abashin

European University at St Petersburg
Gagarinskaya st. 3, St Petersburg, Russia
s-abashin@mail.ru

This review discusses two books by Svetlana Gorshenina, who investigates the construction of the notion of “Central Asia.” Gorshenina critiques the essentialist paradigm of primordial cultures, ethnic groups and regions, which could be studied and objectively measured. The review stresses the author’s intention to analyse the development of “Central Asia” in the mythological and academic imaginary. Gorshenina investigates how the name and the borders of the region have changed over time. She questions how different images and representations of Central Asia have been developed as part of various political projects in order to perpetuate systems of power and political control. This review points out how Gorshenina’s first book, published in 2012, addresses the history of how the concept of “Central Asia” was invented, as well as the delimitation of its borders in the 18th–21st centuries, i.e. the period under the rule of the Russian Empire and the Soviet Union. Her subsequent book, published in 2014, goes beyond political issues to investigate the intellectual framework within which the concept of “Central Asia” was constructed, and different ways it has been mapped and named. In comparison with her work from 2012, Gorshenina significantly expands the chronological framework of her analysis and interpretation, spanning two thousand years of history.

Keywords: imagined community, Central Asia, Turkestan, orientalism, geographical knowledge.

References

- Gorshenina S., ‘Teoriya “estestvennykh granits” i zavoevanie Kuldzhi (1870–1881 gg.): avtoportret rossiyskikh voenno-diplomaticheskikh elit Sankt-Peterburga i Turkestana’ [A Theory of “Natural Boundaries” and the Conquest of Kuldja (1870–1871): A Self-Portrait of Russian Military and Diplomatic Elites in St Petersburg and Turkestan], *Ab Imperio*, 2014, no. 2, pp. 102–165. (In Russian).
- Mudimbe V., *The Invention of Africa: Gnosis, Philosophy, and the Order of Knowledge*. London: James Currey; Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1988. 241 pp.

- Said E. W., *Orientalism: Western Conceptions of the Orient*. New York: Pantheon Books, 1978. 368 pp.
- Wallerstein I., 'Does India Exist?', Wallerstein I., *Unthinking Social Science*. Cambridge: Polity Press, 1991. Pp. 130–134.
- Wolff L., *Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment*. Stanford, CA: Stanford University Press, 1994. 419 pp.